

ВЫСОКИЕ СТАВКИ

ГЛАВА 1

Я смотрел на своего друга и видел перед собой человека, который меня предал, обманул и ограбил. Ужасно неприятно. Хуже не бывает.

Джоди Лидс глядел на меня, все еще улыбаясь, все еще не веря.

— Чего-чего?

— Я забираю своих лошадей, — повторил я.

— Но... но я же твой тренер! — ошеломленно воскликнул он.

Весь его тон и выражение лица говорили о том, что порядочные владельцы лошадей своих тренеров не бросают. — Это просто невозможно! Только психи или бессердечные скупердяи таскают своих лошадей из конюшни в конюшню, а я ведь не был ни тем ни другим...

Мы стояли перед весовой ипподрома в Сэндаун-парке, и мимо нас поспешно проходили жокеи с седлами и номерами в руках, торопясь на очередной заезд. Было холодно и ветрено. Джоди ежился в своей дубленке и время от времени встряхивал непокрытой головой. Прямые каштановые волосы падали ему на лицо тонкими прядками, и Джоди раздраженно откидывал их назад.

— Да ты что, Стивен? — сказал он. — Не валяй дурака!

— Я серьезно.

Джоди. Невысокий, крепенький, двадцати восьми лет от роду, очень трудолюбивый, очень умный, толковый и пользующийся большой популярностью. Он был постоянным моим советником с тех пор, как я три года тому назад впервые начал держать лошадей. И с самого начала он с дружелюбной улыбкой обдирал меня как липку.

— Ты с ума сошел! — сказал Джоди. — Я же принес тебе победу!

Мы и в самом деле стояли на лужайке, где расседлывают победителей. Улыбающийся жокей только что спрыгнул с Энерджайза, моего последнего приобретения, самого лучшего из моих стиллеров, и теперь Энерджайз рыл землю копытом и гордо встряхивал головой, принимая как должное восторги толпы.

Выигранная им скачка была не особенно значительной, но то, как он ее выиграл, было достойно звезды экстракласса. Когда я увидел, как он мчится в гору к финишному столбу, точно темно-гнедая стрела, я ощутил непривычный прилив радости, восторга... быть может, даже любви. Энерджайз был красив, отважен и переполнен волей к победе. И именно потому, что он выиграл, и выиграл так блестяще, я наконец решился открыто порвать с Джоди.

Хотя, наверно, следовало бы выбрать более удачное место и время...

— Это ведь я купил для тебя Энерджайза на аукционе! — сказал Джоди.

— Я знаю.

— И всех прочих твоих лошадей, которые брали призы.

— Да.

— Это из-за тебя мне пришлось переехать в новые, более просторные конюшни!

Я коротко кивнул.

— Ты... ты просто не можешь бросить меня сейчас!

Ошеломленность уступила место гневу. В ярко-голубых глазах вспыхнул воинственный блеск, лицо закаменело.

— Я забираю лошадей, — повторил я. — И начну с Энерджайза. Можешь оставить его здесь.

— Ты с ума сошел!

— Нет.

— И куда же ты его в таком случае отправишь?

На самом деле я не знал. Потому сказал просто:

— Я все устрою. Оставь его в конюшне и отправляйся домой без него.

— Ты не имеешь права! — взорвался он. — Дерьмо вонючее!

Право я имел. Он это знал, и я тоже. Любой владелец имеет право в любое время отказаться от услуг тренера, если он им

недоволен. Правда, правом этим пользовались крайне редко, но это уже другой вопрос. Джоди весь кипел от ярости.

— Я забираю лошадь с собой, и ничто меня не остановит!

Именно его настойчивость окончательно убедила меня, что позволять ему это делать не следует. Я решительно покачал головой. И сказал:

— Нет, Джоди. Лошадь останется здесь.

— Через мой труп!

Пока что Джоди был более чем жив. Он готов был ринуться в драку.

— Отныне и впредь, — сказал я, — я отменяю твое право действовать от моего имени. Прямо отсюда я пойду в весовую и сообщу об этом всем официальным лицам, которым следует это знать.

Он уставился на меня исподлобья.

— Ты мне должен! — сказал он. — Ты не можешь забрать своих лошадей, пока не заплатишь!

Я каждый месяц аккуратно оплачивал присылаемые им счета, так что должен я ему был только за последние несколько недель. Я достал из кармана чековую книжку и снял колпачок с ручки.

— Прямо сейчас и выпишу чек.

— Черта с два!

Он вырвал у меня из рук всю чековую книжку, разодрал ее пополам и перебросил через плечо. Обрывки чеков тут же разлетелись по ветру. Люди начали изумленно оборачиваться в нашу сторону, репортеры резко оживились. Если бы я хотел, чтобы о нашей ссоре знали все, я не мог бы найти более подходящего места. А ссора постепенно приобретала характер сенсационного скандала.

Джоди огляделся. На глаза ему попались люди с блокнотами. Он увидел в них своих союзников.

Он решил сделать мне пакость.

— Ты об этом пожалеешь! — воскликнул он. — Я тебя в порошок сотру!

Куда и делась вся его улыбочивость и дружелюбие, которым он лучился всего минут пять тому назад! Даже если я отступлю и извинюсь, прежних связей уже не восстановит. Доверие разбилось, как Шалтай-Болтай, и его уже не собрать.

Его яростное сопротивление заставило меня зайти дальше, чем я намеревался. Впрочем, цель моя осталась прежней, хотя для того, чтобы ее достичь, придется приложить больше усилий...

— Как бы то ни было, — сказал я, — мои лошади у тебя не останутся.

— Ты меня разоришь! — возопил Джоди.

Репортеры придвинулись на пару шагов. Джоди покосился на них. Лицо его злобно исказилось.

— Вам, проклятым богатеям, все равно, что будет с простым человеком!

Я резко развернулся, ушел в весовую и исполнил свое обещание: официально отказался от его услуг тренера. Я подписал документы, лишаящие его права действовать от моего имени, и на всякий случай добавил к ним еще записку, в которой специально подчеркивалось, что я недвусмысленно запретил ему увозить Энерджайза из Сэндаун-парка. Никто не отрицал, что у меня есть такое право, но чувствовалось, что к человеку, который так внезапно и решительно отказался от услуг тренера, десять минут назад принесшего ему очередной приз, относятся весьма прохладно.

Я не стал им говорить, что мне, чайнику, потребовалось очень много времени, чтобы посмотреть фактам в лицо и понять, что меня надувают. Я не стал рассказывать, как отметал в сторону первые подозрения, считая их недостойными нашей дружбы, как я изо всех сил старался оправдать Джоди, пока у меня не осталось никаких сомнений.

Я не стал говорить, что одной из причин моей непреклонности было то, как именно Джоди среагировал на мое заявление, что я забираю лошадей.

Он ни тогда, ни потом не задал одного, самого естественно-го вопроса.

Он не спросил, почему я это делаю.

Когда я вышел из весовой, ни Джоди, ни репортеров на прежнем месте уже не было. Зрители торопились к трибунам, смотреть главную скачку дня, и даже распорядители, с которыми я только что имел дело, поспешно направились туда же.

Мне не хотелось смотреть скачку. Я решил вместо этого сходить к ипподромной конюшне и сказать сторожу, чтобы он ни

в коем случае не позволял уводить Энерджайза. Но поскольку сторож сидел у конюшни в основном для того, чтобы не пускать внутрь всяких подозрительных чужаков, а не затем, чтобы мешать кому-то выводить оттуда лошадей, я не был уверен, что от него будет какая-то польза, даже если он и согласится помочь.

Сторож сидел у себя в будке. Человек средних лет, крепкий, коренастый, в темно-синей форме с медными пуговицами. На стенах висели какие-то списки, приколотые к специальным дощечкам, электрокамин вел безнадежную битву с декабрьским холодом.

— Извините, — сказал я, — я хотел бы узнать насчет лошади...

— Сюда нельзя! — перебил сторож начальственным тоном. — Владельцам без тренеров входить не положено!

— Я знаю, — сказал я. — Я просто хотел предупредить, чтобы мою лошадь не увозили.

— Это какую?

Ему явно нравилось перебивать и одергивать, как и многим людям, наделенным мелкой властью. Он принялся дышать на замерзшие руки, глядя на меня без малейшей любезности.

— Энерджайза, — ответил я.

Он поджал губы и задумался, стоит ли отвечать. Видимо, никаких причин не отвечать не было, кроме врожденного нежелания кому-то помогать, потому что в конце концов он неохотно ответил:

— Это черный такой, которого Лидс тренирует?

— Да.

— Так его уже увезли, — сказал сторож.

— Увезли?!

— Ну да. Конюх его увел, пару минут тому назад. — Он дернул головой в сторону дорожки, ведущей к стоянке фургонов для перевозки лошадей. — И Лидс с ним был. Я так думаю, что они уже уехали.

Эта мысль его, похоже, порадовала, потому что он улыбнулся.

Я оставил его с его кислым удовлетворением и бегом помчался по дорожке. Она вела через кусты и выходила на засыпанную гравием площадку, где как попало стояли десятки фургонов.

Фургон Джоди был бежевый, с алыми полосами по бокам. И он уже сдвинулся со своего места и разворачивался, чтобы проехать к воротам.

Я осторожно положил на землю свой бинокль и припустился бегом. Пробежал первый ряд машин, выскочил в проход и увидел, что фургон Джоди уже почти развернулся ярдах в тридцати от меня и едет прямо в мою сторону.

Я встал у него на пути и замахал руками, приказывая шоферу остановиться.

Шофер меня знал достаточно хорошо. Звали его Энди-Фред. Он регулярно возил моих лошадей. Я видел его лицо, напряженное и испуганное. Он принялся лихорадочно жать на гудок.

Я не обратил внимания на гудки, уверенный, что он остановится. По одну сторону от нас был высокий деревянный забор, а по другую — ряды фургонов. Через пару секунд я понял, что Энди-Фред, видимо, забыл, для чего существуют тормоза, и мне пришло в голову, что, возможно, Энерджайза увезут не через труп Джоди, а через мой собственный.

И все же я не двинулся с места, скованный не столько страхом, сколько яростью.

Слава богу, у Энди-Фреда нервы не выдержали первыми, но в самое последнее мгновение. Он крутанул баранку, когда массивная решетка радиатора была уже футах в шести от моей груди и рев дизеля громом гремел у меня в ушах.

Тормозить было поздно. Свернув, он врезался прямо в кабину одного из фургонов. Раздался визг тормозов, скрежет металла, и дверцы кабин обоих фургонов сцепились намертво. Во все стороны полетели бритвенно-острые осколки стекла. Мотор захлебнулся и заглох.

Бампер фургона Джоди меня миновал, но гладкое крыло все же зацепило меня, когда я запоздало отскочил. Я отлетел в сторону, врезался в забор и некоторое время лежал, переводя дух.

Энди-Фред, живой и невредимый, выскочил из непострадавшей дверцы своей кабины и бросился ко мне со смешанным чувством страха, ярости и облегчения.

— Ты, блин, соображаешь, что ты делаешь? — заорал он.

— Почему... — с трудом выдавил я, — почему ты не остановился?

Похоже, он меня не услышал. Во всяком случае, не ответил. Вместо этого он обернулся навстречу разъяренному Джоди, который мчался к нам вдоль фургонов, с той же стороны, откуда появился я.

Когда Джоди увидел разбитую машину, его буквально застряло и он принялся поливать Энди-Фреда руганью.

— Недоумок! — вопил он. — Мать твою так...

— А чего мне было делать? — орал в ответ шофера. — Он у меня прямо на дороге стоял!

— Я ж тебе сказал, чтоб ты не останавливался!

— Я бы его задавил!

— Не задавил бы!

— А я те говорю, задавил бы! Он стоял прямо на дороге! Стоял, и все!

— Если бы ты не остановился, он бы отскочил! Недоумок! Идиот! Ты только погляди, что ты натворил, мать твою...

Они кричали на всю стоянку. Издалека доносился усиленный репродукторами голос комментатора, рассказывающего о ходе стипль-чеза. За забором, на Гилдфордском шоссе, ведущем в Лондон, гудели машины. Я неловко поднялся с холодного гравия и прислонился к некрашеному забору.

Я ничего себе не сломал. Дыхание постепенно восстанавливалось. Единственный ущерб — это что с моего пальто оторвались все пуговицы. На том месте, где они были пришиты, красовался ряд прямоугольных дырочек — пуговицы отлетели с мясом. Я поглядел на них — и понял, что мне сильно повезло.

Энди-Фред во всю глотку объяснял Джоди, что он, Энди-Фред, не собирается никого убивать, чтобы угодить ему, Джоди.

— Ты уволен! — проорал Джоди.

— Ну и ладно!

Энди-Фред шагнул назад, посмотрел на помятый фургон, взглянул на меня, потом на Джоди, придвинулся поближе к нему и снова рявкнул:

— Ну и ладно!

И, не оглядываясь, ушел в сторону конюшен. Теперь внимание и ярость Джоди резко переключились на меня. Он решительно шагнул в мою сторону и завопил:

— Я на тебя за это в суд подам!

— Почему бы тебе не посмотреть, в порядке ли лошадь? — спросил я вместо ответа.

Я говорил достаточно тихо, и Джоди, успевший за сегодняшний день привыкнуть к крику, меня не услышал.

— Чего?

— Энерджайз! — сказал я, уже громче. — С ним все в порядке?

Джоди глянул на меня с горячей ненавистью и бросился к фургону. Я последовал за ним, хотя и медленнее. Джоди отворил дверцу, предназначенную для конюха, подтянулся и забрался внутрь, я — следом.

Энерджайз стоял, дрожа с головы до ног, и дико косил глазом. Джоди погрузил его в фургон, когда он еще не успел остыть после скачки и был совершенно не готов к перевозке; а это столкновение окончательно его доконало. Но тем не менее он удержался на ногах. Джоди с тревогой осмотрел его, но никаких повреждений не нашел.

— Если бы он покалечился, то по твоей вине! — с горечью бросил он.

— Нет, по твоей.

Мы смотрели друг другу в лицо в тесном фургоне, тихом оазисе, защищенном от ветра.

— Ты меня обворовывал, — сказал я. — Я сперва не хотел верить. Но впредь... Больше я не дам тебе возможности это делать.

— Ты ничего не докажешь!

— Быть может. Быть может, я и пробовать не стану. Быть может, я просто буду считать все, что я потерял, ценой собственной глупости. Мне не следовало слишком доверяться тебе.

— Я так много для тебя сделал! — негодуя сказал Джоди.

— И так много из меня вытянул...

— А ты чего ждал? Тренеры работают не из любви к искусству!

— Не все тренеры делают то, что делал ты.

В его глазах внезапно появилась задумчивость.

— Ну и что же я такого сделал? — осведомился он.

— Ты сам знаешь, — сказал я. — Ты даже не попытался отрицать, что надувал меня.

— Слушай, Стивен, ты прямо как с луны свалился! Ну ладно, может, я и подделал пару счетов. Если ты насчет того, что я то-

гда слупил с тебя транспортные расходы за перевозку Гермеса в Хейдок, когда скачки были отменены из-за тумана... Ну да, на самом деле я его туда не посылал — он в то утро захромал и не мог участвовать в скачке. Ну так ведь тренер перехватывает где может. Работа такая. Тебя ведь это не разорило? Что тебе какие-то несчастные тридцать фунтов!

— Что еще? — спросил я.

Джоди явно успокоился. Его голос вновь сделался уверенным и в то же время льстиво-заискивающим.

— Ну... — протянул он. — Если тебя не устраивали суммы, указанные в счетах, что ж ты ко мне-то не обратился? Я бы сразу все уладил. Вовсе незачем было ни с того ни с сего лезть в бутылку.

«Ого!» — подумал я. Мне даже не приходило в голову проверить все статьи в ежемесячных счетах Джоди. А ведь каждая из них могла увеличивать общую сумму... Даже когда я был уверен, что Джоди меня обворовывает, я не подозревал, что это делается так просто.

— Что еще? — спросил я.

Он на миг отвел взгляд, потом, видимо, решил, что я все равно не могу знать всего.

— Ну ладно, ладно! — сказал он так, словно это признание было верхом великодушия. — Ты насчет Раймонда, что ли?

— В том числе.

Джоди виновато кивнул:

— Да, тут я, пожалуй, перегнул палку — брал с тебя за его работу дважды в неделю, хотя иногда он приходил только раз в неделю...

— А иногда и вообще не приходил.

— Ну что ты! — протестующе воскликнул Джоди. — Хотя... ну да, было дело... пару раз...

Жокей Раймонд Чайльд ездил на всех моих стиплерах на скачках и время от времени по утрам приезжал за пятьдесят миль на конюшню к Джоди, чтобы потренировать их в прыжках через препятствия. Джоди платил ему за работу и оплачивал расходы на дорогу и добавлял все это к моему счету. Весь июль он регулярно присылал мне счета за тренировки два раза в неделю, а недавно я совершенно случайно узнал, что никаких тренировок не было, потому что Раймонд был в отпуске в Испании.

— Ну подумаешь, десятка тут, десятка там, — убеждал меня Джоди. — Что от тебя, убудет, что ли?

— Лишняя десятка дважды в неделю в течение всего июля — это будет сто фунтов, — заметил я.

— О-о! — Джоди попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривая. — Значит, ты в самом деле проверял...

— А ты как думал?

— Ну ты ведь такой беспечный! Всегда без вопросов оплачивал все счета...

— Больше не буду.

— Да, конечно... Слушай, Стивен, мне на самом деле очень жаль, что так получилось. Если я дам тебе слово, что никогда больше не буду с тобой мухлевать... Если я пообещаю, что впредь все счета будут точными... Почему бы нам не начать все сначала? Я ведь выиграл для тебя столько призов!

Джоди говорил совершенно серьезно, и раскаяние его казалось абсолютно искренним. Он был уверен, что я предоставлю ему еще один шанс. Галопом от признания к покаянию и к обещанию исправиться, а потом все будет как раньше!

— Поздно, — сказал я.

Это его не обескуражило. Он просто еще больше сделался похож на нашкодившего мальчишку, у которого на рожице написано: «Да, я был очень-очень плохим, но теперь, когда меня застукали, я сделаюсь настоящим ангелочком!»

— Да, я вел себя очень глупо. Но это, наверно, все из-за дополнительных расходов. Я ведь новую конюшню в кредит купил, и выплаты просто грабительские. А ведь я переехал туда только из-за тебя, ты же знаешь!

Ага, значит, это я виноват, что ему пришлось воровать!

— Я ведь предлагал выстроить несколько новых денников в старых конюшнях, — заметил я.

— Нет, это бы не пошло! — торопливо перебил Джоди.

На самом деле вся штука в том, что старые конюшни были простыми и скромными, а новые — откровенно роскошными. Во время переезда я еще удивлялся, как это Джоди может себе такое позволить. Теперь-то я знал как!

— Так что давай считать это предупреждением, ладно? — заискивающе попросил Джоди. — Я не хочу терять твоих лошадей, Стивен. Я тебе откровенно говорю, я их терять не хочу. Мы

ведь были добрыми друзьями все это время, верно? Если бы ты только сказал... понимаешь, если бы ты сказал: «Джоди, ты, сволочь такая, чего-то намудрил со счетами!..» Мы бы в момент все утрясли! А ты взорвался вот так, ни с того ни с сего, просто сказал, что забираешь лошадей... да еще после того, как Энерджайз так блестяще выиграл... Естественно, я вышел из себя. Признаюсь, было дело. Я наговорил много такого, чего говорить не следовало. Знаешь ведь, как это бывает, когда человек выйдет из себя.

Он улыбнулся совсем как в старые добрые времена, словно ничего не произошло. Словно мы не стояли в разбитом фургоне рядом со взмыленным и дрожащим Энерджайзом. Словно мое пальто не было разорвано и вымазано в грязи после слишком близкого соприкосновения со смертью.

— Стивен, ты же меня знаешь! — сказал Джоди. — У меня же характер — сущий порох!

Я не спешил отвечать. Джоди принял мое молчание за знак согласия с его объяснениями и извинениями и тут же вернулся к более насущным проблемам:

— Ну вот, для начала надо вывести отсюда нашего приятеля. — Он похлопал Энерджайза по крупу. — А пандус опустить нельзя, пока мы не отъедем от той, другой машины. — Джоди задумчиво цыкнул зубом. — Надо попробовать. Почему бы и нет?

Он выпрыгнул наружу и побежал к кабине. Я заглянул в кабину и увидел, как Джоди сел за руль, проверил рычаг передачи и нажал на стартер — решительный, деловой человек, способный разобраться с любой неловкой ситуацией.

Дизель взревел, мотор заработал. Джоди устроился поудобнее и осторожно дал задний ход. Фургон содрогнулся и остался на месте. Джоди надавил на акселератор.

Через ветровое стекло я видел, что к нам приближаются двое или трое людей. Лица у них были удивленные и разгневанные. Один из них вдруг бросился бежать к нам, размахивая руками, — классическая реакция человека, который возвращается на стоянку и обнаруживает, что его машина разбита.

Джоди не обратил на него внимания. Фургон раскачивался, разбитый бок кабины со скрежетом терся о помятого соседа. Энерджайз запаниковал.

— Джоди, прекрати! — крикнул я.

Он не обратил на меня внимания. Он еще прибавил оборотов, потом снял ногу с акселератора, потом снова вдавил его в пол. И так несколько раз.

Изнутри машины впечатление было такое, словно фургон раздирают пополам. Энерджайз заржал и принялся рваться с привязи, беспокойно переступая острыми копытами. Я не знал, как успокоить его, и не мог даже подойти поближе, чтобы похлопать лошадь — если это вообще могло его успокоить. Мои отношения с лошадьми всегда сводились к тому, что я любовался на них издали и угощал морковкой, когда они были надежно привязаны в деннике. Никто не учил меня, что нужно делать с впавшей в истерику лошадью, которая мечется рядом с вами в дергающейся консервной банке.

Еще один жуткий рывок, скрежет — и покалеченные машины наконец расцепились. Машина Джоди, более ничем не удерживаемая, рванулась назад. Энерджайз поскользнулся, присел на задние ноги, я тоже упал на пол. Джоди нажал на тормоза и выпрыгнул из кабины — прямо в объятия троих новоприбывших, один из которых был близок к апоплексии.

Я встал, обобрал с одежды клочки сена и посмотрел на свою четвероногую собственность, дымящуюся, взмыленную, перепуганную насмерть.

— Все в порядке, приятель, — сказал я.

Это прозвучало ужасно нелепо. Я улыбнулся, прокашлялся и начал снова:

— Остынь, старина. Худшее уже позади.

Энерджайз, похоже, не услышал. Я стал говорить ему, что он замечательный конь, что он только что блестяще выиграл скачку, что он скоро будет чемпионом и что он мне очень нравится. Я говорил, что скоро его закутают попоной и поставят в стойло где-нибудь поблизости, хотя я еще не знаю, где именно, но непременно договорюсь, и что кто-нибудь даст ему охапку самого дорогого сена и ведро очень дешевой воды и, наверно, еще овса и чего-нибудь такого. Я говорил ему, что очень жаль, но морковки у меня сейчас с собой нет, но в следующий раз я непременно угощу его морковкой.

Через некоторое время эта болтовня его, похоже, успокоила. Я похлопал его по шее. Шкура у него была на ощупь мокрая

и очень горячая. Он встряхнул головой и шумно фыркнул влажными черными ноздрями, но косить глазом перестал и дрожать тоже. Я внезапно увидел его новыми глазами: как личность, которая в то же время — лошадь.

Я осознал, что никогда прежде не оставался наедине с лошадью. На самом деле это странно. Энерджайз ведь был уже двенадцатой принадлежащей мне лошадью. Но владельцы скаковых лошадей обычно заходят к своим питомцам только на минутку и всегда в сопровождении тренера или конюха. А в основном они видятся с лошадьми только в паaddocke, на глазах у всего света, да там, где лошадей расседывают после скачки, снова в толпе друзей и знакомых, которые спешат поздравить победителя. Владельцы, которые сами верхом не ездят, — как я, например, — редко проводят в обществе своих лошадей больше пяти минут подряд.

Сейчас, в этом фургоне, я провел вместе с Энерджайзом больше времени, чем за все пять месяцев, что я им владел.

А у Джоди явно были проблемы. Один из мужчин привел полисмена, и тот что-то деловито писал в своем блокноте. Интересно, свалит ли Джоди вину на меня? Если он все еще надеется, что мои лошади останутся у него, он постарается это замять. Ну а если он поймет, что я все-таки их забираю, он изойдет ядом! Я, улыбаясь про себя, тихо обсуждал все это с Энерджайзом.

— Сам не знаю, — говорил я ему, — почему я до сих пор не сказал Джоди, что мне известно о другом его обмане. Но пока что оно обернулось к лучшему. Понимаешь, ведь все эти мелкие проделки, в которых он признался, не более чем пена.

Энерджайз успокоился и устало опустил голову. Я смотрел на него с сочувствием.

— Речь ведь идет не о нескольких сотнях фунтов, — сказал я. — А о тридцати пяти тысячах.

ГЛАВА 2

Владелец разбитой машины принял мои извинения, вспомнил, что его машина застрахована, и решил в суд на нас не подавать. Полисмен вздохнул, перечеркнул свои записи и удалился. Джоди опустил пандус своего фургона, вывел Энерджайза и по-

спешно увел его в сторону конюшен. А я подобрал свой бинокль, снял пострадавшее пальто и задумчиво направился в весовую.

Целых десять минут все было тихо-спокойно — до тех пор, пока Джоди вернулся из конюшни и обнаружил, что я своего распоряжения насчет него не отменил.

Он нашел меня в небольшой толпе, стоявшей на веранде перед весовой.

— Эй, Стивен! — начал он. — Ты, видно, забыл им сказать, что я по-прежнему на тебя работаю!

Он не проявлял ни малейшего беспокойства — только легкое раздражение по поводу моей забывчивости. На миг я готов был сдаться при мысли о том, какая буря сейчас разразится. И снова принялся малодушно убеждать себя, что он ведь действительно хороший тренер и мои лошади действительно время от времени берут призы... Я мог бы просто внимательно следить за счетами, так, чтобы он знал об этом... А что до всего остального... Легко ведь можно сделать так, чтобы в будущем меня не обкрадывали...

Я набрал воздуха в грудь. Теперь или никогда!

— Я не забыл, — медленно произнес я. — Я своего решения не отменял. Я забираю лошадей.

— Чего?!

— Я их забираю.

Неприкрытая ненависть, отразившаяся на его лице, потрясла меня.

— Ублюдок!

Люди начали оборачиваться в нашу сторону.

Джоди выкрикнул еще несколько нелюбезных эпитетов, очень громко и отчетливо. Я краем глаза заметил, как вокруг запорхали белые блокнотики репортеров, и решился пустить в ход единственное, что могло заставить Джоди заткнуться.

— Сегодня я ставил на Энерджайза на тотализаторе.

— Ну и что? — тут же ответил Джоди, прежде чем до него дошло, что это может значить.

— Я закрываю свой счет у Дженсера Мэйза.

У Джоди был такой вид, словно он готов меня растерзать, но он снова не спросил почему. Он стиснул зубы, покосился на репортеров — на этот раз он был им явно не рад — и прошипел очень тихо и угрожающе:

— Если ты что-то скажешь, я подам на тебя в суд за клевету!

— За оскорбление личности, — автоматически поправил я.

— Чего?

— Клевета — это то, что распространялось письменно, а оскорбление наносится устно.

— Короче, если ты что-нибудь скажешь, я тебя привлеку!

— Ты настоящий друг! — заметил я.

Глаза Джоди сузились.

— Для меня было большим удовольствием нагреть тебя как можно круче!

Наступила тяжелая пауза. Я внезапно проникся отвращением к скачкам и подумал, что лошади никогда уже не будут доставлять мне такого удовольствия, как раньше. Три года простодушной радости развеялись, как дым.

В конце концов я просто сказал:

— Энерджайза оставь здесь. О перевозке я позабочусь.

Джоди с каменным лицом развернулся на каблуках и скрылся в весовой.

С перевозкой проблем не было. Я договорился с молодым шофером, владельцем транспортного предприятия, состоящего из одной машины — его собственной, что он заберет Энерджайза в свою конюшню, а на следующий день отвезет его к тренеру, которого я подыщу.

— Темно-гнедой конь. Почти черный, — сказал я. — Сторож вам скажет, в каком он деннике. Конюха при нем, скорее всего, нет.

Оказалось, что шофер, он же владелец фирмы, может подыскать и конюха, чтобы тот присматривал за Энерджайзом.

— Все с ним будет в порядке, — сказал он. — Не тревожьтесь.

Он привез на ипподром еще двух лошадей, одна из которых участвовала в последней скачке, и пообещал мне, что вернется, когда отвезет ее в конюшню, где-то через час после окончания скачек. Мы обменялись телефонами и адресами и ударили по рукам.

Потом я — скорее из вежливости, чем потому, что мне хотелось посмотреть остальные заезды, — вернулся в ложу, принадлежащую человеку, который перед тем угощал меня ланчем и вместе со мной любовался победой моей лошади.

— Стивен, где же вы были? А мы вас ждали, чтобы отметить победу!

Чарли Кентерфильд, хозяин ложи, встретил меня с распростертыми объятиями, с бокалом шампанского в одной руке и сигарой в другой. Еще восемь или десять гостей сидели за большим столом, застеленным белой скатертью, на которой теперь вместо остатков ланча красовались полупустые бокалы с шампанским, программки сегодняшних скачек, бинокли, перчатки, сумочки и билетки от букмекеров. В воздухе витал слабый аромат гаванских сигар и хорошего вина, а за плотно закрытой стеклянной дверью находился балкон, с которого открывался вид на ипподром, продуваемый декабрьским ветром.

Четыре заезда были позади, оставалось еще два. Середина дня. Промежуток между кофе с коньяком и чаем с пирожными. Все довольные и веселые. Уютная комнатка, дружеская болтовня с легким налетом снобизма.

Милые, порядочные люди, которые никому не делают ничего плохого.

Я вздохнул про себя и ради Чарли постарался изобразить хорошее настроение. Я пил шампанское и выслушивал поздравления по поводу блестящей победы Энерджайза. Мы все ставили на него... Дорогой Стивен, какая удача... Какой замечательный конь... Какой замечательный тренер этот Джоди Лидс...

— Угу, — ответил я довольно сухо. Но этого никто не заметил.

Чарли предложил мне сесть на пустой стул между ним и дамой в зеленой шляпке.

— На кого бы вы поставили в этой скачке? — поинтересовался он.

Голова у меня была абсолютно пуста.

— Я не помню, кто участвует в этом заезде.

Чарли немедленно сменил тон. Я и раньше замечал за ним такое: мгновенная реакция на новые обстоятельства. Видимо, в этом и крылся ключ к его колоссальному деловому успеху. Он мог лениво сидеть в кресле, добродушно потягивать сигару и раскататься воздушным пудингом, но разум его непрерывно работал.

Я криво улыбнулся.

— Давайте пообедаем вместе, — предложил Чарли.

— Сегодня вечером?

Он кивнул.

Я поразмыслил.

— Давайте.

— Хорошо. Скажем, в «Парксе», на Бошам-плейс, в восемь.

— Договорились.

Мы с Чарли уже несколько лет были чем-то средним между хорошими знакомыми и друзьями. Мы радовались друг другу при случайных встречах, но нарочно не встречались. Сегодня он впервые пригласил меня в свою ложу. Приглашение на обед означало окончательный переход на новый уровень.

Пожалуй, он мог неправильно истолковать мою рассеянность. Но я все равно хорошо к нему относился, а потом, ни один человек в здравом уме не станет отказываться от обеда в «Парксе». Надеюсь, ему не придется пожалеть о пропавшем впустую вечере...

Гости Чарли понемногу принялись разбегаться — они отправились делать ставки на следующую скачку. Я взял забытую на столе программку и понял, почему Чарли так интересовался моим мнением: в этой скачке с препятствиями участвовали двое из лучших фаворитов, и газеты обсуждали ее уже в течение нескольких дней.

Я поднял голову и встретился взглядом с Чарли. В глазах у него было любопытство.

— Ну, так который из двух?

— Крепитас.

— Вы на него ставите?

Я кивнул:

— Уже поставил. На тотализаторе.

Чарли фыркнул:

— Я предпочитаю букмекеров. Чтобы заранее знать, сколько я получу в случае выигрыша. — Если учесть, что его ремеслом были банковские инвестиции, это было вполне логично. — Только сейчас мне неохота спускаться вниз.

— Могу поделиться с вами своей ставкой.

— А сколько вы поставили? — осторожно спросил Чарли.

— Десять фунтов.

Он рассмеялся:

— А ходят слухи, что вы мыслите исключительно в пределах трех нулей!

— Это профессиональная шутка, — сказал я. — Ее неправильно понимают.

— А что имеется в виду?

— Я иногда пользуюсь прецизионным токарным станком. Он позволяет установить точность в пределах трех нулей — после запятой. Ноль-ноль-ноль-один. Одна десятитысячная дюйма. Это мой лимит. Большая точность мне недоступна.

Чарли хмыкнул:

— А на лошадей вы тысячами не ставите?

— Бывало пару раз.

На этот раз он явно расслышал сухость в моем голосе. Я небрежно встал и направился к стеклянной двери, ведущей на балкон.

— Они уже выходят на старт, — сказал я.

Чарли молча вышел на балкон вслед за мной, и мы стояли рядом и смотрели, как две звезды заезда, Крепитас и Уотербой, гарцуют мимо трибун, сдерживаемые своими жокеями.

Чарли был чуть ниже меня, гораздо плотнее и лет на двадцать старше. Он носил превосходные костюмы так, словно привык к ним с детства, и никто, слыша его мягкий, густой голос, не догадался бы, что его отец был водителем грузовика. Чарли никогда не скрывал своего происхождения. Напротив, он гордился им, и гордился по праву. В согласии со старой образовательной системой его послали в Итонский колледж, как мальчика из местного округа, на деньги муниципального совета, и Чарли сумел наряду с образованием приобрести там также правильное произношение и светские манеры. Его золотая голова несла его по жизни, как волна несет умелого пловца, и то, что он родился под самыми стенами знаменитого учебного заведения, вряд ли было такой уж случайностью.

Другие его гости тоже вышли на балкон, и Чарли переключился на них. Я их плохо знал — в основном в лицо — и кое о ком что-то слышал. Для случайной встречи вполне достаточно, для более близкого знакомства маловато.

Дама в зеленой шляпке коснулась моей руки зеленой перчаткой:

— Уотербой выглядит чудесно, не правда ли?

— Чудесно, — согласился я.

Она широко улыбнулась мне, близоруко щурясь из-за толстых очков.

— Вы не могли бы сказать, сколько предлагают сейчас за них букмекеры?

— Пожалуйста.

Я поднял бинокль и навел его на таблички букмекеров, сидящих перед трибунами чуть справа от нас.

— Насколько я вижу, Уотербой — один к одному, Крепитас — пять к четырем.

— Вы так любезны! — тепло ответила дама в зеленом.

Я перевел бинокль чуть дальше и нашел Дженсера Мэйза. Он стоял в середине ряда букмекеров, толпившихся вдоль перил, отделяющих трибуны для участников от общих мест. Худощавый человек среднего роста, с крупным острым носом, в стальных очках, с манерами епископа. Он никогда мне особенно не нравился, и беседовали мы исключительно о погоде. Но я ему полностью доверял — а это было очень глупо.

Он стоял, опираясь на перила, опустив голову, и беседовал с кем-то, находившимся на трибунах для участников. Его собеседника загораживала от меня толпа народа. Потом толпа рассосалась, и я увидел, что беседует он с Джоди.

Вся фигура Джоди выражала крайнюю степень раздражения. Он что-то яростно говорил Дженсеру. Дженсер отвечал ему скорее успокаивающе. Когда Джоди сердито махнул рукой и удалился, Дженсер поднял голову и проводил его взглядом, с лицом скорее задумчивым, чем озабоченным.

Дженсер Мэйз достиг той стадии в карьере букмекера, когда удачливый одиночка превращается в главу крупной и уважаемой фирмы. Для игроков Дженсер Мэйз был уже не человеком, а учреждением. К югу от Глазго существовало множество букмекерских контор, носящих его имя, и недавно он объявил, что во время следующего сезона будет спонсировать скачки на короткую дистанцию для трехлеток.

Тем не менее на больших скачках он по-прежнему стоял в ряду букмекеров, чтобы лично разговаривать с самыми богатыми клиентами и не позволять другим букмекерам их переманивать. Чтобы вовремя раскрывать свою акулью пасть и заглатывать новых неосторожных рыбешек.

Я поморщился и опустил бинокль. Я, наверно, никогда не узнаю, на какую сумму меня обокрали Джоди с Дженсером. Что до моего самоуважения, от него они оставили только жалкие крохи.

Скачка началась. Суперскакуны боролись не на жизнь, а на смерть, и Крепитас обошел Уотербоя на целый корпус. На тотализаторе мне должны были выплатить небольшую сумму за него и довольно значительную — за Энерджайза. Но двух выигрышей в один день было недостаточно, чтобы развеять мое уныние. Я отказался от чая с пирожными, поблагодарил Чарли за ланч, простился с ним до вечера и спустился к весовой, посмотреть, не осенит ли меня вдохновение насчет нового тренера.

Кто-то догнал меня сзади и схватил за руку:

— Слава богу, я вас нашел!

Это был молодой шофер, которого я нанял, чтобы перевезти Энерджайза. Запыхавшийся и очень озабоченный.

— В чем дело? Фургон сломался?

— Нет... Слушайте, вы сказали, что ваша лошадь черная, да? В смысле, я ничего не напутал?

— Что с ним?! — Пожалуй, от волнения мой голос сделался чересчур резким.

— Ничего... по крайней мере... с ним — ничего. Но только лошадь, которую оставил мне мистер Лидс, — это рыжая кобыла.

Я отправился с ним в конюшню. Сторож по-прежнему улыбался, довольный тем, что у кого-то что-то не так.

— Ну да, — с удовольствием подтвердил он. — Лидс уехал с четверть часа тому назад в наемном фургоне и увез одну лошадь. Сказал, его собственный фургон разбился, а Энерджайза он оставляет по распоряжению владельца.

— Лошадь, которую он оставил, — не Энерджайз! — сказал я.

— Ну а я чего сделаю? — с достоинством возразил сторож.

Я обернулся к молодому человеку:

— Рыжая кобыла с большой белой проточиной?

Он кивнул.

— Это Асфодель. Она участвовала в первом заезде. Ее тренирует Джоди Лидс, но она не моя.

— И что же мне с ней делать?

— Оставьте ее здесь, — сказал я. — Мне очень жаль. Пришлете мне счет за руды.

Шофер улыбнулся и сказал, что я ему ничего не должен. Это почти восстановило мою веру в человечество. Я поблагодарил его за то, что он меня разыскал. Мог бы ведь по-тихому увезти

эту кобылу, а потом прислать мне счет. Молодой человек был шокирован моим цинизмом. Я подумал, что до знакомства с Джоди я таким не был.

Джоди все-таки забрал Энерджайза.

Я полыхал медленным гневом. Злился я отчасти на себя самого. Как я этого не предусмотрел? Ведь если он был готов заставить Энди-Фреда переехать меня, первая неудача наверняка бы его не остановила! Он твердо решил взять надо мной верх и увезти Энерджайза к себе. Я недооценил его кровожадность и его наглость.

Нет, вряд ли мне удастся так легко избавиться от Джоди. Я вернулся к своей машине и уехал с ипподрома, думая только о том, какого тренера мне нанять и как скоро мне удастся перевезти своих лошадей на новое место.

Мы сидели за золотистым полированным деревянным столом. Чарли улыбнулся мне и отодвинул пустую кофейную чашку. Его сигара была наполовину докурена, портвейн наполовину допит, и в животе у него покоился обед, приготовленный в одном из лучших ресторанов Лондона.

Интересно, как он выглядел в молодости, до того, как обзавелся солидным брюшком и двойным подбородком? Крупные бизнесмены лучше смотрятся, когда они немного полноваты. Тощие и голодные — это новички, энергичные начинающие. А Чарли набирал мудрость и зрелость с каждым фунтом лишнего веса.

У него были прямые седеющие волосы, поредевшие на макушке и зачесанные назад по бокам. Глубоко посаженные глаза, крупный нос, плотно сжатые губы. Лицо не слишком приятное, но запоминающееся. Однажды встретившись с Чарли, люди потом его обычно узнавали.

Он пришел один. Ресторан, который он выбрал, состоял из нескольких небольших зальчиков, по три-четыре столика в каждом, так что там легко было уединиться. Чарли весь вечер говорил о скачках, о еде, о премьер-министре, о состоянии биржевого рынка, но так и не сказал, зачем он меня позвал.

— У меня такое впечатление, — добродушно заметил он, — что вы чего-то ждете.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫСОКИЕ СТАВКИ <i>Перевод А. Хромовой</i>	5
РЕФЛЕКС ЗМЕИ <i>Перевод Н. Некрасовой</i>	205
БАНКИР <i>Перевод А. Хромовой</i>	469